

В. М. Важинский

УСИЛЕНИЕ СОЛДАТСКОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ В XVII в.

(По материалам южных уездов)

В XVII в. происходило формирование регулярной армии. Поместное ополчение переживало кризис и разрушалось. Главной фигурой массового войска становился солдат. Каковы же были источники комплектования солдатских полков? В советской историографии уже отмечалось, что рекрутов поставляли преимущественно крестьяне, а также мелкие служилые люди¹.

В настоящей статье будут проанализированы новые архивные материалы из фондов центрального военного ведомства страны XVII в. — Разрядного приказа (хранятся в ЦГАДА в Москве), свидетельствующие о том, что солдатами становились представители беднейших слоев населения. На юге России в последней четверти XVII в. почти все мелкопоместные дети боярские — однодворцы, а также большинство нижних чинов (казаков, стрельцов, пушкарей) постепенно были перемещены из поместной конницы и гарнизонов городов в солдатские полки. Солдатская служба превращалась в тяжелую повинность для крестьян и однодворцев, в то время как дворяне обособлялись в рядах привилегированной военно-чиновничьей касты воевод, приказных людей, «начальных людей» и офицеров. Указанные процессы знаменовали наступление важных перемен в сословном строе государства, начало распада сословия по классовым признакам: консолидацию дворянства, с одной стороны, и окрестьянивание промежуточных служилых слоев, с другой.

¹ А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954; В. П. Загоровский. Солдатские села и солдатское землевладение в Воронежском крае XVII века. В сб.: «Из истории Воронежского края», вып. 4. Воронеж, 1972.

Во второй половине XVII в. войны почти не прекращались. С 1654 г. по 1700 г. состоялось не менее тридцати крупных походов на Украину, в Крым и под Азов, в которых участвовали главным образом мелкие служилые люди Севского и Белгородского разрядов. С ростом населения и военных мобилизаций численность армии на юге непрерывно увеличивалась: если в 50-х годах вызывались в полки в среднем 20 тыс. человек, то в 70-х — 30 тыс., а в 90-х — 60 тыс.² Служба продолжалась с весны до глубокой осени, иногда не прерывалась и зимой. Русские гарнизоны в течение всего года стояли во многих городах Украины, готовые в любую минуту дать отпор туркам и татарам. В последней четверти века была введена «годовая служба» в новых крепостях, построенных в низовьях Дона и Днепра.

Боеспособность армии повышалась очень медленно в связи с нехваткой оружия и боеприпасов, иностранным составом большей части офицерства, несовершенным снабжением и обслуживанием войск, но главное — в связи с отрицательными сторонами военно-территориальной системы их комплектования и боевой подготовки, несостоятельностью принципа самообеспечения при бедности многих служилых людей. Армия долгое время продолжала оставаться, по существу, ополчением, хотя делались шаги в сторону придания ей регулярного характера. Служилый человек не был еще профессиональным воином. Он был связан с хозяйством и семьей, мог назначаться или выбираться на административные должности, выполнял, помимо военной, и другие повинности. После похода армия распускалась по домам. В 1660 г. было подтверждено размещение солдатских и драгунских полков по месту жительства³. Полки «нового строя» составлялись преимущественно из крестьян, нижних чинов, детей боярских — однодворцев, военное обучение которых было поставлено плохо, так что солдат или рейтар лучше владел сохой и косой, чем мушкетом или карабином. Не было единообразия в организации службы.

Отсюда большие потери в людях во время боев. Всего с 1658 по 1666 г. только Белгородский полк потерял в боях убитыми и пленными около 10 тыс. человек⁴. Немало теряла

² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола № 414, лл. 513—516; № 625, л. 75; № 827, лл. 128—132; № 1393, лл. 203—204.

³ Там же, № 414, л. 74.

⁴ Там же, № 524, л. 28.

армия от голода и болезней.⁵ Росло дезертирство. Неявка на службу становилась хронической. Как правило, в полки не прибывали и бежали со службы от 10 до 25% служилых людей. В отдельные годы эти цифры поднимались до 50%.⁶ Высылка на службу нередко превращалась в охоту за людьми. Добровский солдат М. Тарасов в 1689 г. от высылщиков «ухоранивался, жил в доме своем, лежал под полом», прятался в лесу, а когда его все же обнаружили, бежал на Дон.⁷ Подобные факты встречались очень часто. Правительство вынуждено было посылать из Москвы сыщиков, которые наделялись чрезвычайными полномочиями, вплоть до права казнить дезертиров. Служилых людей ловили, били кнутом и батогами, угрожали отбором поместий и наделов, конфискацией имущества, ссылкой и смертной казнью, доставляли на место под конвоем.

Постоянный некомплект полков происходил по разным причинам: из-за перехода служилых людей в другие чины, отставки, переселения, смерти, болезней, плена, отбывания наказаний по суду, неведения о призыве, выбора или назначения на административные должности, отлучек по тяжбам, обнищания, службы по иным городам, пострижения в монахи, отдачи в крестьянство, поступления в холопство. В Разряде ко многим из этих явлений подходили как к способам укрыться от службы и считали главным злом леность или недостаточное материальное обеспечение служилых людей. Особо указывалось на получение дворянами синекур—выгодных должностей в городах—или уход на льготу и в отставку без должных оснований, обычно за взятку. В 1679 г. мценские служилые люди подали в Разряде обширный список зажиточных людей, получивших путем подкупа переписчиков освобождение от полковой службы.⁸ Вместо зажиточных людей воеводы и слободские полковники высылали в конные полки «самых худых, скудных и одиноких людей», способных нести лишь солдатскую службу.

Широкое распространение получили злоупотребления офицеров и воевод. «Начальные люди» Белгородского полка укрывали от службы дворян из ближайших к Белгороду уездов, по-

⁵ В ноябре 1696 г. в полках А. Ржевского, стоявших в Новосергиевской крепости, болело 691 и умерло 250 солдат. ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст. № 1836, лл. 217—221.

⁶ Там же, № 414, лл. 513—516; № 597, лл. 32—37; № 757, л. № 2—11, 28, 33, № 770 лл. 30—33; № 827, лл. 128—132; № 1257, л. 702.

⁷ Там же, Ст. Приказного стола № 1215, л. 9.

⁸ Там же, Ст. Белгород, ст. № 996, лл. 169—172.

лучая за это от них сено, дрова, хлеб, сыры, яйца, мед и другие продукты.⁹ На смотрах утаивались взрослые родственники, годные в солдаты, с целью сохранения в хозяйстве рабочих рук. В 1675 г. многие ефремовцы «семьи свои таили, а окладчики им в том молчали». В 1687 г. только в двух станах Яблоновского уезда однодворцы утаили 150 взрослых родственников.¹⁰ Таким образом, у дворян и детей боярских очень рано обнаружилось стремление «жить в домех, а его государевой полковой службы не служить».¹¹

Для поддержания дисциплины правительство, помимо репрессивных, принимало и организационные меры. Вместо отставленных дворян и детей боярских, не имевших сыновей, на службу забирались другие родственники или даточные из крестьян, принадлежавших этим служилым людям. Долго не было ясности в отношении к одиноким однодворцам, продолжавшим владеть поместью после ухода в отставку. Одинокими считались все те, кто не имел родственников мужского пола. Лишь в период разбора 1679 г. таких отставленных однодворцев стали переводить в городскую службу или оставлять «на прокорм и вспоможение» одиноким же служилым людям полковой службы из чужеродцев. Многие превращались в служилых бобылей, т. е. безземельных людей, выбывших из полковой службы по причине бедности. Таких бобылей вербовщики писали в солдаты вместо даточных: одного от пяти-семи человек. Появилась категория «бобыльских солдат», находившихся на иждивении приданных им соседей.¹²

На должности воевод, голов и целовальников велено было назначать и выбирать дворян, ушедших в отставку. В подъячие допускались выходцы из духовенства, но не из служилых людей. Еще в 1667 г. офицеров разместили в городах, где расселялись подчиненные им солдаты. В 1676 г. была проведена военная реформа. Солдат распределили по полкам по принципу близости городов, чтобы проще и быстрее собирать их в походы.¹³

В целях борьбы с дезертирством усиливался контроль офицеров за солдатами. В 1680 г. территориальный принцип размещения и построения войск вновь был подтвержден: служи-

⁹ ЦГАДА, ф. 210, ст. Белгород, ст., № 625, л. 79.

¹⁰ Там же, № 830, л. 318; № 1239, лл. 454—456.

¹¹ Там же, № 636, л. 6.

¹² Там же, № 946, лл. 224—225; № 957, лл. 257—258; № 996, л. 198.

¹³ Там же, № 827, л. 438.

мые люди распределялись в сотни и полки по городам, «кото-рой город к которому ближе».¹⁴ В тех же целях предприни-мались попытки разделить города по Белгородской черте на два самостоятельных разряда с центрами в Белгороде и Воронеже (или Козлове).¹⁵

В 1686 г. велено было ликвидировать в городах должности губных старост, осадных, засечных, пушкарских и житничных голов, ямских и городских приказчиков, сборщиков денег и хлеба, а лиц, эти должности занимавших, написать в служ-бу.¹⁶

При угрозе военного вторжения и перед походами проводи-лись всеобщие военные смотры и разборы служилых людей. Известны крупные разборы 1631, 1658, 1666, 1669, 1675, 1679, 1680, 1687, 1695, 1697 и 1700 гг., в которых участвовали служи-лые люди всех или нескольких военно-территори-альных разрядов. Смотры по городам устраивались чаще: всякий раз при сдаче и приеме города старым и новым воеводами. Такие массовые съезды служилых людей преследовали цель пополнить и лучше орга-низовать войска, выяснить причину неявки в полки служилых людей, снабдить участников похода денежным жалованием и оружием. Разборщики руководствовались наказами, в которых содержалось требование обеспечить «прибыль в служилых лю-дях» и выяснить, кто может служить без жалованья, с поме-стий и вотчин, а кому для службы необходимо давать деньги.¹⁷

Само слово «разбор» означало перебор (или перетасовку) ратных людей по видам службы и чинам в соответствии с про-исхождением и материальной состоятельностью. Смотр же был проверкой действительной годности к службе ратников, кото-рые должны были являться в полки «конны, людны и оружны».

Любой служилый человек, в том числе из нижних чинов, имел право на получение годового денежного жалованья, по-скольку каждый верстался денежным окладом. В период со-здания Белгородской черты, т. е. в 30—40-е годы XVII в., пере-седенцы, кроме окладного жалованья, получали подъемные деньги на заведение пашни и на «дворовое строенье» (по 3—

¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород. ст. № 996, лл. 249—250.

¹⁵ Там же, № 625, лл. 76—77, 81—82.

¹⁶ Там же, № 1197, лл. 80—82; № 1771, л. 62.

¹⁷ Перед разборщиками ставилась задача добиться того, чтобы «госуда-рева службы впредь была спора и стройна и в полках бы было многолюдно, а денежной бы казне напрасных расходов не было и ратные люди, которым мочно государева служба служить, никто бы в-ыбылых не был».

10 руб. на человека в зависимости от чина). Выделялись им также хлебные ссуды. Однако постепенно годовое жалованье было прекращено под тем предлогом, что служилые люди «устроены землями». После начала русско-польской войны — за Украину в 1654 г. оно больше нигде не восстанавливалось, не-смотря на частые о том просьбы однодворцев. Беспашенных стрельцов и казаков правительство понуждало брать земель-ные участки и кормиться доходами, получаемыми от сельского хозяйства.

Хотя считалось, что служилые люди могут полностью обес-печить себя с земли, предоставляемой им на поместном или служило-надельном праве, на деле это было далеко не так. Более половины однодворцев не были способны приобрести не только боевых коней, но даже оружия. Разборщики сообщали в Москву, что в Белгородском разряде ратные люди «многие ободиначали, а иные от служеб стали скудны и безлошадны». «Многие безстрашники от разбору бегают», — жаловались они.¹⁸ Поэтому подъемное жалованье на время походов казна вынуждена была назначать в течение всего столетия. Выдава-лись служилым людям также мушкеты и карабины, сукна на одежду. Раздачи производились во время смотров и разборов «самым скудным и недостаточным людям». В 1679 г. велено было служить без жалованья тем помещикам, за кем было бо-лее 14 дворов крестьян и бобылей.¹⁹

Наибольшие суммы окладных денег получали дворяне пол-ковых сотен. Рейтарам выдавалось по 2 руб. на месяц. Но сол-даты имели право только на кормовые деньги, суммы которых все время уменьшались. В 1679 г. солдатский корм равнялся 30 алтынам на месяц, в 1688 г. — 10 алтынам, в 1689 г. — 8 алты-нам 2 деньгам.²⁰

С 50-х годов XVII в. начался быстрый рост солдатских фор-мирований благодаря привлечению в них вольных и беглых людей, а также переводу в солдаты нижних чинов и детей бо-ярских. Постепенно возобладавало второе. Только в Белгород-ском полку в 1656 г. было 6 170 солдат. В 1657 г. их стало 8 179, в 1679 г. — 7 457, в 1686 г. — 17 028 и в 1695 г. — 19 676. В Сев-ском полку в начале 90-х годов насчитывалось 8 970 солдат, не считая прокормщиков²¹. Увеличение солдат в общей массе

¹⁸ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород. ст. № 757, лл. 395—398, 417.

¹⁹ Там же, № 946, л. 7.

²⁰ Там же, № 701, л. 502; № 962, л. 11; № 1348, л. 70—73; № 1673, л. 549.

войск (в Белгородском полку с 24% в конце 50-х годов до 45% в конце 90-х годов от общего числа служилых людей полковой службы и городских детей боярских, но без слободских казаков-черкас) свидетельствовало о важных изменениях в политике. Во-первых, солдатские полки явились провозвестниками регулярной армии. Во-вторых, их преобладание говорило о демократизации армии. И в-третьих, с распространением пехоты изменялся характер службы, которая из привилегии превращалась в тяжелую повинность, в солдатчину.

Нас интересует в первую очередь вербовка в армию солдат из беднейших слоев населения. Это позволяет выяснить отношение правительства к социальным источникам пополнения войск, а также установить трудовые ресурсы и возможности хозяйства однодворцев, проследить расслоение в их среде.

Как отметил А. В. Чернов, солдатские полки с самого начала были задуманы как дворянская пехота.²² Особые статьи о солдатах содержались уже в наказе разборщикам 1631 г.²³ Однако обедневшие помещики и их сыновья охотнее поступали в рейтарские полки, напоминавшие дворянскую конницу. Для того, чтобы создать массовую армию, правительство вынуждено было искать новые источники комплектования пехоты.

Методы пополнения солдатских полков указывали на известное неантагонистическое противоречие между военными потребностями страны и классовыми интересами феодалов. Укрепляя дворянскую основу армии, правительство в годы войн отваживалось на некоторое ущемления прав господствующего класса в отношении крепостных крестьян и объявляло наборы даточных. Но полки из даточных были временными формированиями. Как только заканчивались военные действия, крестьян возвращали феодалам. Нужно было создавать постоянные контингенты. Поэтому правительство старалось привлекать в солдаты добровольцев из вольных людей. Большие наборы солдат на юге производились в 1653, 1660, 1668, 1673, 1696 и 1697 гг. Рекрутчина готовилась рядом предварительных акций, из которых важнейшими были массовые наборы солдат.

Вербовщики руководствовались наказами, в которых рекомендовалось зазывать в полки отставленных дворян и детей боярских, недорослей, служилых людей городской службы, на-

ходя им замену, а также захребетников и вольных гулящих людей. Не допускался прием в службу крестьян и холопов. Однако санкция на вербовку гулящих людей свидетельствовала о непоследовательности в действиях правительства, потому что среди этих людей было много лиц, незаконно выбывших из крепостного состояния, тягла или службы.

Агенты Разряда испытывали большие затруднения при наборах солдат, так как вольные люди всячески уклонялись от службы. Инструкции нарушались, и в солдаты записывались крестьяне и холопы, не говоря уже о нижних чинах и посадских тяглецах. Подобные действия приводили к вооруженным столкновениям между дворянами и их бывшими крепостными, принятыми в солдаты. Дворянство проявляло нервозность и недовольство, а правительство поспешно подтверждало указы о неприеме крестьян в службу. Согласно наказу 1673 г. не только крестьяне, но и гулящие люди теперь не должны были попадать в солдаты.

В дальнейшем, по мере роста военной опасности для страны, вербовка в армию гулящих людей возобновилась. Более того, в указы стали вноситься пункты, в скрытой форме допускавшие прием в службу беглых крепостных. В конце 70-х годов деятели Разряда подняли вопрос о гулящих людях, которые осели по Белгородской черте давно, «а во крестьянстве и в холопстве им исцов по се число не объявилось», и живут они на пустых и оброчных землях в собственных дворах или в дворниках и захребетниках.²⁴ Такие люди обычно владели землей, но не несли службы и не платили податей. Подразумевались свободные в юридическом смысле люди, не давшие на себя никому крепостей, не закабаленные никем. В наказе от 4 декабря 1678 г. велено было таких людей брать в солдаты с поручительством.²⁵ Особенность такого прибора состояла в том, что солдатам, набранным из гулящих людей и беглых крепостных, обещана была не земля, а кормовое жалование. Наказы 80—90-х годов XVII в. неизменно подтверждали новую юридическую норму. Заносились в солдатские списки все пришлые и гулящие люди, кроме батраков и наймитов. Укрывать их запрещалось «под жестоким страхом». Допускался специальный сыск пришлых людей разборщиками.²⁶

²¹ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст., № 607, лл. 123—124, 128, 131; № 946, л. 87; № 1205, лл. 604—605; № 1265, л. 3; № 1674, лл. 237—248, 366.

²² А. В. Чернов. Указ, раб., стр. 134.

²³ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст., № 307, лл. 32, 37.

²⁴ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст. № 876, лл. 131—147; № 1120, лл. 9—25.

²⁵ Там же, л. 63.

²⁶ Там же, № 996, лл. 202, 207—209; № 1771, лл. 49—52, 58—59.

Санкция на вербовку беглых означала некоторое отступление от генеральной линии крепостнической политики, сделанное из-за нужды в солдатах. Но этот шаг не имел серьезных последствий для социального строя государства. Такие действия следует рассматривать как видоизмененные наборы даточных, новым хозяином которых становилось государство. Одно временно были провозглашены законы о строгой ответственности за прием и держание беглых крестьян. Воеводам грозили суровыми карами за верстание их в службу. Закрыт был доступ в армию для крепостных людей местных дворян.

Московские чины ходили в походы, переменяясь через год, а городовые дворяне и дети боярские должны были служить «по вся годы без перемены». Бедность многих однодворцев заставила изменить этот порядок. Все служилые люди были разделены на смены: половины, трети и четверти, которые по очереди высылались на службу. Начиная с 1678 г. стали переписываться и разбиваться на доли нижние чины Белгородского и Севского разрядов для службы в городах Украины. Жалованье им не выдавалось, но смена, остававшаяся дома, снабжала уходивших на службу товарищей деньгами и продовольствием.²⁷ Переписи казаков, стрельцов и пушкарей для образования из них солдатских полков производились в 1679—1681, 1687 и 1692 гг. Нижние чины превращались в солдат и по характеру службы переставали отличаться от детей боярских — однодворцев.

В 50—60-х годах еще не существовало ограничений для обедневших однодворцев на поступление в конницу. Число рейтарских полков быстро увеличивалось за счет перевода в них детей боярских из сотенной службы, записи в них невестанных детей боярских, поместных солдат и даже нижних чинов. Однако такие рейтары не являлись на службу, а искусственно поддерживать их благосостояние казна не имела средств. Солдатские полки обходились дешевле. Да и политические мотивы диктовали правительству меры для усиления дворянского ядра в коннице. Первые указания на чистку рейтарских полков относятся к середине 70-х годов.

В ходе разбора Белгородского полка 1679 г. в сотенную службу и в рейтары попадали только те землевладельцы, ко-

²⁷ В том же 1678 г. было собрано в городах по одному рублю «подмоги» на каждого ратника. Считалось при этом, что нижним чинам, «будучи в домах два года, мочно к третьему году готовитца и служить не бегая». ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст. № 1045, лл. 107—109.

которые имели крестьян и холопов. Всех рейтар-однодворцев, происходивших как из детей боярских, так и нижних чинов, за исключением наиболее состоятельных людей, велено было перевести в солдатские полки. Правда, детей боярских насильно обращать в солдат пока не рекомендовалось. Впредь было запрещено переводить в конные полки лиц из солдатской или какой-либо иной приборной службы.²⁸ Упомянутый разбор привел к значительному росту числа солдат. Целые уезды подпали под категорию солдатских. Однако до конца проблема не была решена. Обедневшие рейтары неохотно возвращались в нижние чины. Кроме чина, они теряли высокое денежное жалование и привилегии.

В то же время богатые дворяне продолжали уклоняться от службы, давая взятки разборщикам. В рейтарских полках оставалась большая масса «самых худых и одиноких людей», не имевших ни коней, ни оружия. Такое положение наблюдалось во всех разрядах России. Поэтому 18 ноября того же года был объявлен специальный разбор копеечников и рейтар по всей стране, явившийся решающим этапом в расширении солдатской повинности. Из рейтар велено было вывести и написать в солдаты всех бесконных и безоружных однодворцев, а также дезертиров и нетчиков, не участвовавших в походах 1677—1679 гг. Новым было то, что в солдаты переводились без выбора все рейтары, вышедшие из нижних чинов и гулящих людей, независимо от материального достатка. Детей боярских, переводимых в солдаты, увещевали не оскорбляться, так как, мол, издавна в солдатскую службу брали людей «ис честных родов, а в укоризну того им не ставили, да и в-ыных в окресных государствах пешая служба честна ж». Обидчиков, попрекавших детей боярских солдатчиной, велено было наказывать и штрафовать.²⁹ Возвращение в конницу было обещано за ревностную службу и при условии поправления хозяйства. На деле солдатчина воспринималась как наказание подобно отобранию земли, убавке окладов, ссылке, батогам. Для бедняков она превращалась в пожизненную повинность. Недаром козловцы после перевода в солдаты писали в челобитной, что «от того де их братье скорбь большая».³⁰

Правительство все еще считало недостаточными принятые меры. В период разбора Белгородского полка в 1680 г. решено

²⁸ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст. № 876, лл. 70—73, 207.

²⁹ Там же, № 962, лл. 7, 11, 16.

³⁰ Там же, Ст. Приказн. ст., № 1159, л. 51.

было еще более сократить конницу в пользу пехоты. Для этого устанавливалось «указное число» копеечников и рейтар по каждому городу в отдельности, т. е. та предельная норма, которую разборщики не имели права перекрывать. Во всем Белгородском разряде велено было написать в копеечники 1 500, а в рейтары 6 000 самых состоятельных детей боярских. Остальные рейтары должны были пополнить собой солдатские полки.³¹ По разбору 1687 г. в Белгородском полку стало 1 122 копеечника и 6 380 рейтар, разбитых для годовой службы на две половины. В это время был прекращен перевод солдат в рейтары даже за заслуги и достижение материального благополучия. Рейтарская служба окончательно обособилась от других родов службы. В этом факте обнаруживается обычная феодальная практика — замкнутость чинов. Правительство принимало на себя контроль за перемещениями в армии.

В 1695 г. образовался разряд «выборных» рейтар. В связи с походом Б. П. Шереметева на турецкие крепости в низовьях Днепра решено было из рейтар Белгородского разряда отобрать 2 000 наиболее состоятельных людей, а остальных перевести в пехоту. Вместо выбывших рейтар записывали в службу только наиболее зажиточных детей боярских. В период разбора 1697 г. в копеечниках и рейтарах оставалось всего 1 380 человек.³² Даже в коннице полков нового строя служба становилась дворянской привилегией, а в пехоте принудительно сосредоточивались однодворцы. В солдаты перешло большое количество детей боярских. Происходило падение служилого достоинства солдат. Изменилось социальное лицо армии, в которой дворянскую конницу стали численно подавлять худородные солдатские полки. Для однодворцев солдатчина означала потерю преимуществ поместного сословия, принадлежность к которому теперь должна была подтверждаться не только наследственной службой и ссылкой на документы, но и необходимым уровнем материальной обеспеченности. Из этого видно, что стремление к повышению доходности поместий вызывалось как развитием товарно-денежных отношений, так и сословно-политическими мотивами.

Значительными людскими резервами располагали семьи однодворцев. Разряд внимательно следил за движением насе-

ления, требуя, чтобы никто от службы «в-избылых не был». В ходе разборов учитывались все мужчины по возрастным группам. Постепенно вырабатывался размер посемейного «налога на людей». Бремя службы было переложено на семьи однодворцев, независимо от земельной обеспеченности двора.

Хотя однодворцы и отличались от более поздних военных поселян относительно свободным бытом и распорядком жизни, трудовые отношения в их среде подвергались государственному регулированию. Правительство вынуждено было так организовать раскладку солдатской повинности, чтобы в каждом дворе оставались «пашенные люди», поскольку дети боярские — однодворцы крестьян не имели и вели трудовое хозяйство, обрабатывая землю собственными силами. В противном случае солдаты разорялись и выбывали из полков. Оставшиеся на пашне родичи вели трудовое, крестьянское по типу хозяйство, освобождались от службы, но другие повинности обязаны были выполнять. Перевод на пашню не лишал таких родственников прав служилого сословия, включая право на верстание поместными и денежными окладами, а также наделение землей.³³

В 50-х годах XVII в. в полковую службу записывался «от семей от дву третей человек», остальные попадали в городовую службу и на пашню. Позже Разрядный приказ наставлял разборщиков производить наборы солдат «с великим рассмотрением», чтобы не опустошить дворов, оставляя на пашне по одному или по два человека на двор.³⁴ Но указы часто нарушались — и не только по вине недобросовестных разборщиков, но и по причине новизны, юридической неформальности и неясности многих вопросов вербовки солдат от семей. Это видно из записки 1678 г. «Об однодворцах и одиноких», предназначенной для доклада царю и Боярской думе.³⁵

В названной записке говорилось, что в разбор 1675 г. однодворцев забирали в полковую или городовую службу из одних и тех же дворов и семей, а в домах у них для пашни оставлялись «сродники немногие», отчего служилые люди испытывали большие тяготы. Случалось и так, что от одного до троих мужчин из семьи определяли только в полковую службу и никого в городовую, причем для пашни оставлялись «один полного возраста с меньшими недорослями или троим два человека, и тем

³¹ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород. ст. № 996, лл. 173—174, 191—193; № 1402, лл. 172, 454—458.

³² Там же, Ст. Белгород. ст. № 1674, л. 117; № 1771, лл. 19—20, 79—81.

³³ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород. ст. № 1239, лл. 457—458.

³⁴ Там же, № 414, л. 73; № 757, л. 395.

³⁵ Там же, № 876, лл. 131—147; № 1120, лл. 9—25.

тягосно ж, что одному с меньшими двоих, также и двоим трех подымать не в мочь».³⁶

Предполагалось решить затруднения, которые испытывали переписчики в ходе разборов. Ставился вопрос об отставке обедневших однодворцев полковой службы и замещении их «семьянистыми» служилыми людьми городской службы. Не было только ясно, детьми боярскими заменять отставленных или служилыми людьми всяких чинов. Нужно было уточнить служилую нагрузку на семью: брать в полки «от двух третьего или от одного один». Одиноким предлагалось писать в городскую службу. В поле внимания оказались и те семьи, члены которых были уже «рописаны нарочно» в полковую и городскую службу: так ли тому и быть или взять в службу от четырех—двух человек, а от троих—одного и только в полковую службу, а остальным быть на пашне, потому что служить одновременно полковую и городскую службу силами одной семьи было очень тяжело. Шла речь о льготах в службе одиноким служилым людям, получившим тяжелые раны в походах, старикам и калекам. Спорным было положение одиноких, но зажиточных детей боярских, живших на своих землях с половинщиками, державших батраков, владевших задворными людьми, но службу не исполнявших.

Перечислялось несколько недоуменных казусов, когда необходимо было произвести замену убитого в бою или умершего служилого человека. В частности, предусматривались случаи, когда в семье один человек был убит, второй послан в полк, а третий оставлен в дому; когда один из двух братьев был убит или умер; когда были убиты дети, братья или «неродники», посланные вместо кого-то на службу, а «коренные» остались одиноки; когда оставленные в домах увечные братья или отцы уже не были способны помогать в службе своим служившим братьям и сыновьям, но не получали отставки. Не знали разборщики, как поступать с семьями, члены которых уже находились в рейтарах, солдатах и драгунах: забирать ли в службу из этих семей новых людей до возвращения из полка их служивших родственников и др.³⁷

Из отписок полковых воевод явствовало, что однодворцы «все оскудали и многие побиты и ранены, и многие разбежались безвесно». Поэтому правительство принялось за реализа-

цию важнейших пунктов записки «Об однодворцах и одиноких». В 1678—1686 гг. был издан ряд распоряжений и наказов, в которых узаконивалась, несколько изменялась и дифференцировалась служилая нагрузка на семьи. Если в семье было двое мужчин, один посылался в полк, а другой оставлялся дома. Из троих мужчин один должен был служить полковую службу, другой городскую, а третий находился на пашне. Из четырех мужчин два служили в полку, третий в городской службе, а четвертый был на пашне.³⁸ Служилая нагрузка на семью выросла: одного полкового служилого человека обеспечивали теперь не двое, как это было в 50—60-е годы, а только один человек. Служилые люди городской службы прокормщиков вообще не получали.

Наказы 1694—1696 гг. более четко и развернуто формулировали статьи о представительстве от семей в полковой службе. Содержали они и уступку, вызванную бедностью многих однодворцев и сознанием непосильности для них службы: от четырех мужчин в семье в полк посылался только один, в то время как двое оставались в городской службе, а один человек на пашне.³⁹

Поначалу выделялись «на вспоможение и прокорм» родственники служилых людей. Начиная с 1675 г. вводилось важное новшество. На русские семьи однодворцев была распространена практика приписки к хозяйствам чужеродцев, известная до этого на Слободской Украине. Одиноких людей, которых раньше отправляли в отставку или переводили в городскую службу, велено было «списывать» вместе по четыре семьи с тем, чтобы один служил в полку, второй в городской службе, а двое оставались в домах на пашне и снабжали продовольствием и снаряжением служивших сябров, по очереди меняясь ролями. Исключение составляли одинокие, но зажиточные однодворцы, имевшие половинщиков, наймитов, задворных и деловых людей. Таких хозяев писали в службу в обычном порядке. И лишь очень старых и бедных служилых людей совсем освобождали от солдатской повинности, не требуя с них ни даточных, ни денег вместо службы и не сгоняя их с земли, если она за ними имелась. Это были первые признаки вытеснения однодворцев из служилого сословия, ибо такие отставленные лица привлекались исключительно к несению тягла и в раз-

³⁶ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст. № 876, лл. 131—132.

³⁷ Там же, лл. 131—147; № 1120, лл. 9—25.

³⁸ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст., № 876, л. 55; № 1197, л. 46—49.

³⁹ Там же, № 1402, лл. 282—284; № 1771, лл. 40—42.

борные книги вносились под именем «бобылей» или «пашенных мужиков».

Разreshалось писать «в склад» и тех служилых людей, пашенные отцы и братья которых состарились и не могли больше пахать землю. Наконец, законодатель стремился пресечь необоснованные разделы на малые семьи, совершавшиеся ради избавления от службы. Такие семьи принудительно соединялись вместе.

Эти новые трудовые отношения настойчиво навязывались беднейшим слоям однодворческой деревни в наказах 90-х годов XVII в. Данные правовые нормы выступали своеобразным вариантом прикрепления работников к чужому хозяйству. Правда, такое прикрепление носило условный и временный характер, тем более что власти старались поставить солдат и прокормщиков в равное положение, чередуя службу и работу на пашне. К тому же одинаковая бедность «списанных вместе» — обычно бобылей — препятствовала развитию тенденций закрепощения, которые имели почву в иной социальной среде, при соприкосновении разнородных экономических сил.

Все это хотя и расширяло общинные связи, развивалось и прививалось с большим трудом. Шли долгие тяжбы бобыльских солдат с прокормщиками, не выполнявшими своих обязанностей. На прокормщиков претендовали те служилые элементы, которые могли обойтись и без них. В свою очередь, прокормщики в многочисленных челобитных просили избавить их от необходимости содержать чужих людей, даже если для этого необходимо было записаться в службу⁴⁰.

Правила вербовки все время нарушались. С молчаливого согласия правительства разборщики забирали в службу всех молодых и здоровых парней, оставляя на пашне стариков и малолетних. Всеобщие мобилизации вызывали сопротивление однодворцев. Козловцы в 1673 г. жаловались, что вербовщики писали в солдаты всех мужчин подряд, а прокормщиками оставляли малых детей или обедневших и одиноких людей. Действительно, итоги разборов и переписей показывают, что прокормщиков было значительно меньше, чем служилых людей полковой службы⁴¹.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст. № 1833, лл. 1—31.

⁴¹ Там же, Ст. Приказн. ст., № 859, лл. 150—161. В 1697 г. в Воронежском и Козловском уездах на 3 131 солдата приходилось всего 2 633 взрослых прокормщика. Нередко по разбору одному ратнику соответствовал один ребенок, или недоросль, или старик; Там же, Ст. Белгород, ст. № 1119, лл. 1—5; № 1672, лл. 109—110.

Солдатская повинность усугублялась тем, что правительство все время ее расширяло. В 1697 г. введено «указное число» набора солдат и рейтар, которое было обязательным независимо от установившейся ранее посемейной разверстки службы⁴². В дальнейшем велено было выделять на пашню только одного человека в семье, а всех остальных мужчин забирать в солдаты⁴³. Объектом домогательства вбленного ведомства становились даже несовершеннолетние подростки. В 1700 г. Разрядный приказ потребовал, чтобы разборщики при записи новичков в солдаты руководствовались не словесными заверениями родителей об их возрасте, а железной заорленной мерой, имевшей в длину два аршина и два вершка (153 см). При достижении недорослей «указной меры» его определяли в солдаты, хотя бы он и не достигал еще 15-летнего возраста⁴⁴.

Разборщики становились все более неразборчивыми при заполнении пустых служб и доведении их до «указного числа». В службу записывались даже старики и калеки. Документы пестрят такими признаниями и характеристиками солдат: «увечен, страмен, правую ногу свело, хожу на деревенице», «устарел, коня и ружья не удержу», «увечен, от грызи черевы выходят в луно» и т. д. Козловские однодворцы во время разбора 1700 г. писали в челобитной, что отцы их и братья «многие стары и дряхлы, а иные во гноищах, и тех старых и страмных у розбору детишкам нашим не переменяют и на пашне никого не оставляют, пишут всех вподвално, которые придут в меру»⁴⁵. Служилые люди просили уменьшить наборы солдат, но правительство на уступки не шло.

Если учесть, что большинство служилых людей южных уездов крестьян и холопов не имело, то станет ясно, в какой огромной степени их благополучие зависело не только от размеров посева, количества скота и инвентаря, но и от наличия рабочих рук в семье. Из нужды в работниках проистекало то большое упорство, с каким однодворцы боролись за облегчение тягот, связанных со службой. Именно этим обстоятельством следует объяснить широкое распространение на юге дробления земельных наделов и служб, позябевщины с посылкой

⁴² ЦГАДА, ф. 210, Ст. Белгород, ст., № 1890, л. 15

⁴³ Там же, № 1673, л. 478.

⁴⁴ Там же, № 1876, лл. 16—17.

⁴⁵ Там же, № 1771, лл. 461—462.

зятя на службу, найма на службу посторонних лиц и, наконец, признанной правительством практики назначения прокормщиков. Если введение посемейной разверстки солдатчины означало узаконение сбора даточных — своеобразной рекрутчины, — то выделение прокормщиков знаменовало переход к мирному труду на пашне, содействовало превращению однодворцев в крестьян.
